

Александр Головцов

Как я от генерала Вознюка выволочку получил

«Судьба за мной присматривала в оба...» (Мария Петровых)

Пролог

Весной 1970 года жёсткой волею судьбы, лаконично изложенной в приказе оборонного министерства, только состоявшимся выпускником Ленинградского электротехнического института был назначен «послужить» пару лет в ракетных войсках стратегического назначения. Во исполнение вышеуказанного приказа, получив в райвоенкомате Петроградского района города на Неве необходимые наставления, директивы и выправленные на моё имя проездные документы, отправился по указанному в них адресу – на ракетный полигон Капустин Яр, расположенный на северо-западе Астраханской области.

Прибыв, - через близлежащий город Волгоград, – к предполагаемому месту службы, узнал от всесильного начальника отдела кадров, что таковым мне переназначен берег Аральского моря, где дислоцирована подчинённая полигону воинская часть, что перед новой дальней дорогой предстоит мне, вчерашнему «гражданскому шпаку», пройти месячный «курс молодого бойца» в компании с другими технически «высокообразованными» призывниками возрастом до тридцати лет, которых, подобно мне, собрали на срочно учреждённые полигонные курсы – освоить азы армейского уклада, научить в ракетных войсках служить.

Должно отметить, что среди слушателей курсов для новоиспечённых лейтенантов-инженеров, на месяц обращённых в рядовых, были и такие, которые, ещё до поступления в институт, «тянули солдатскую лямку» на срочной армейской службе и знали все её особенности, вплоть до нюансов, в том числе - разделение солдатской среды на «салаг» и «дедов».

Такие бывшие служивые, которым руководство курсов доверило обеспечение порядка в казарме, в которой разместили обучаемых, по некогда усвоенному инстинкту дедовщины, конечно, без допускаявшихся им крайностей, строили свои отношения с подпавшими в их подчинение «салагами». Выделив себя в деды, они строго следили за порядком в казарменном помещении, за его уборкой, за состоянием прикроватных тумбочек подчинённых, не допускали для них каких-либо послаблений. Однажды, устроили, правда, без выноса мусора из избы, разгром начинающему «товарищу офицеру», вернувшемуся в казарму ближе к полуночи «на автопилоте», себе же в рюмке-другой горячительного, даже в стенах казармы, не отказывали.

Запомнилось, как старослужащие принимали участие в неслучайной, предшествующей утренней зарядке пробежке. Проводилась она в центре военного городка, вокруг вытянувшегося прямоугольником на сотни три метров палисадника. Когда стартовавшая толпа курсистов – по пояса обнажённых, да в хромовых сапогах - пробегала со старта пару десятков метров и становилась слабо заметной для старшего офицера, «деды» дружно «вытекали» из общего потока и прятались за стриженными кустами палисадника; там перекурив и, дождавшись приближения топчущего табуна сокурсников, выбегали к

нему уже с другой стороны природного укрытия, возглавляли забег и достойно, первыми финишировали.

Не удалось ветеранам применить подобный манёвр в другой беговой дисциплине – в проводившемся в открытом поле трёхкилометровом кроссе в костюмах химзащиты. Тогда, в один из последних курсовых дней, по завершении забега упали нетренированные деды навзничь в перегретую пыль приволжской степи с широко раскрытыми, жадно хватающими воздух ртами; тренированные же салаги сохранили уверенную стойкость и ясность мироощущения.

К сказанному можно добавить, что из всех учебных пребываний на свежем воздухе первой была строевая подготовка, которой отделялась львиная доза занятий (и к ней, деды также подстроились в качестве внештатных помощников). Огневой подготовки совсем не было; стрелковое оружие, выхолощенный автомат, только единожды повесил себе на шею – во время торжественного приёма присяги. Занятия в классах посвящались преимущественно изучению уставов, остальные военные темы проходили галопом по европам.

Но была среди этих тем одна, пользовавшаяся неизменным вниманием и успехом у слушателей, и была она посвящена недолгой истории полигона, личности его творца и, на рассматриваемое время, его командующего, коим был генерал-полковник Василий Иванович Вознюк. Имя его было на слуху, о нём, о его жизненном пути многое рассказывал лектор, ветеран полигона; о нём много говорили в бытовом общении обитатели военного городка, военнослужащие и гражданские.

О генерал-полковнике Вознюке

Родился Василий Иванович Вознюк в городке Гайсин Винницкой области 1 января 1907 года в семье актеров, и детство его, надолго повязанное с профессиональной деятельностью родителей, прошло "за кулисами". Самое что ни на есть начальное образование он успел получить в Харьковской гимназии, в которой доучился чуть более трёх лет, твёрдо решив для себя стать военным человеком. Некоторое время спустя, закончив на «отлично» Ленинградскую артиллерийскую школу, молодой офицер Вознюк служил в Днепропетровске, в артиллерийском полку, в котором прошел все командные ступени от командира взвода до начальника штаба полка. Здесь же встретил верного друга-супругу на всю оставшуюся жизнь – Марию Яковлевну Данильченко.

Незадолго до начала войны Василий Иванович, с семьёй, переехал в Пензу, где в артиллерийском училище преподавал тактику и артиллерию; незадолго до начала войны он поступил на заочный факультет столичной Артиллерийской академии.

Начало Великой Отечественной войны майор Вознюк встретил в Западном особом военном округе начальником штаба противотанковой бригады. Далее – судьбоносное для него развитие событий, когда его, замеченного и отмеченного « в верхах», отозвали в Москву и назначили начальником штаба группы гвардейских минометных частей (ГМЧ) Ставки Верховного Главнокомандующего. Уже в середине сентября 1941 года реактивные установки (будущие "Катюши") под его командованием своим ходом вышли из столицы на юг и дали бой врагу под Полтавой. Позже Василий Иванович писал об этом сражении: *"Залп "Катюш " 23 сентября 1941 г. в гоголевских местах я запомнил на всю жизнь. Наши части перешли в наступление, 12 километров они не встретили сопротивления*

врага - он убежал. Гвардейцы-минометчики наводили ужас на врага, громили пехоту и танки, осуществляли глубокие рейды в тыл врага ".

Миномётные полки громили врага настолько успешно, что их командующий получил столь стремительный служебный рост - к сентябрю 1943 года, к началу наступления под Сталинградом, ему было присвоено звание генерал-лейтенанта, что, даже для военных лет это было необычно - было как заслуженное исключение.

Войну Василий Иванович закончил в Вене заместителем командующего артиллерией Третьего Украинского фронта, коим тогда был генерал-полковник артиллерии Митрофан Иванович Неделин, впоследствии ставший первым Главкомом Ракетных войск стратегического назначения. (Вспоминаю себя подростком, читающим - в октябре 1960 года в газете «Правда» - сообщение о трагической гибели в авиакатастрофе маршала Неделина и большой группы военных, инженеров-испытателей. И только много лет спустя узнал, что погибли все они в гигантском пламени страшного взрыва, случившегося во время испытаний жидкого ракетного топлива, проводившегося на космодроме Байконур; разработчика топлива, главного конструктора ОКБ «Южный» Михаила Кузьмича Янгеля спасла случайность – перед взрывом он отлучился в курилку)

По рекомендации Неделина в июне 1946 года генерал-лейтенанта Вознюка назначили начальником испытательного ракетного полигона, строительство которого было задумано близ слияния на Волге, близ устья впадающей в неё левым рукавом реки Ахтубы. Как позже писал Василий Иванович: *"Надо представить, насколько трудно было в течение 4-5 месяцев сосредоточить на полигоне несколько тысяч человек, обеспечить их питанием, водой, прачечными, теплым жильем, поскольку надвигалась суровая зима. Вокруг - степь, такыры, солончаки, пески, колючки, жара и ветер, что иногда переходит в песчаные бури, и множество сусликов. Ни деревья, ни одного населенного пункта. "*

Благодаря энергии, организаторскому таланту, требовательности и решимости автора вышеприведённых строк к началу октября 1947 года полигон был готов, а две недели

спустя дебютировал запуском первой в СССР управляемой баллистической ракеты, созданной Сергеем Павловичем Королевым. В этот день родился первый испытательный ракетный полигон, получивший официальное название «Государственный центральный полигон №4» (ГЦП-4). Десять лет, начиная с 1947 года, полигон Капустин Яр был единственным местом испытаний советских баллистических ракет. И, к слову, в августе 1953 года Василий Иванович Вознюк получил очередное воинское звание генерал-полковника артиллерии – как было сказано в Указе, *«за особый вклад в создание полигона, всестороннее развитие испытательной базы и обеспечение эффективных испытаний ракетной техники».*

С весны 1962 года, когда из шахтного стартового комплекса был запущен спутник «Космос-1», полигон стал космодромом. С его стартовых позиций продолжали исследовать космос, отрабатывали космические системы в интересах создания корабля многоразового использования "Буран", испытывали модели космического корабля "Союз", здесь начала отрабатываться программа «Интеркосмос».

Заботами и неизменными тщательностью и усердием начальника полигона-космодрома Вознюка развивался и жилищный военный городок (площадка «Десять»), где жили семьи офицеров-испытателей. Сначала это были палатки, сборные домики, позже -

двухэтажные дома, магазины, школы, детсады и все то, что было необходимо для жизни людей.

Василий Иванович приложил немало усилий, чтобы в городок со всего Советского Союза привезли саженцы различных деревьев. Правда, чтобы создать парковый уют и вырастить деревья в этом раскаленном аду, приходилось работать всем жителям. За каждой семьей были закреплены посаженные деревья. Утром и вечером их поливали, ухаживали за ними, и каждую весну высаживали новые саженцы. По инициативе Василия Ивановича ученики школ насадили парк возле кинотеатра "Юность". В начале шестидесятых годов городок выглядел как оазис в пустыне: дома и коттеджи в зеленом обрамлении высоких тополей и кленов, асфальтированные тротуары и улицы под кронами деревьев, густой парк с клумбами цветов и даже фонтан перед Домом офицеров.

Особняк, в котором квартировала генеральская пара был окружён вишневым садом, напоминавшим его владельцам о милой их сердцу родной украинской земле (*«Садок вишневий коло хати»*). О ней же, малой родине, напоминало супругам Вознюк и открытое в центре городка кафе под названием *«Рідна хата»*. Хотел было я отужинать в нём по завершении курса военных дисциплин, но суматошная подготовка к переезду в Аральск намерению этому помешала.

Аральский полигон

По завершении военного ликбеза в военном городке на приволжской земле, в середине мая 1970 года я прибыл к окончательно назначенному мне месту службу – в воинскую часть, располагавшуюся близ города Аральска, на берегу давшего ему название моря; моря – с изумрудно-прозрачной иодистой водой, в которой водились пресноводные рыбы; моря, тогда уже начавшего усыхать. Это военное поселение в обиходе именовалось как «Чайка», официально – как Аральск-б.

Пройдя все обязательные процедуры представления, познакомившись и пообщавшись с будущими сослуживцами, узнал, какими делами военно-техническими занята воинская часть, в чём будет состоять моя служба. Выяснил, что непосредственная подчинённость части далёкому приволжскому полигону, выражается в отслеживании производимых отсюда – в сторону приаральской песчано-глинистой пустыни - ракетных пусков, к выезду специальной «группы поиска» к месту падения ракеты для сбора и первичного обследования её фрагментов с последующей передачей их в центр.

Соучастие в ракетных пусках было не основной, только фоновой задачей воинской части на Арале. Главной же целью, фактически давшей жизнь этому воинскому подразделению, было проведение научно-исследовательских работ по радиолокационному обнаружению и распознаванию находящихся в полёте ракет (конечно же, - потенциального противника). В решении этой непростой задачи воинская часть организационно-методически подчинялась столичному научно-исследовательскому институту, числившемуся за оборонным министерством.

Для проведения же самих опытно-исследовательских работ неподалёку от воинской части, на другой стороне подходившей к ней лагуны был устроен собственный инженерно-технический полигон – так называемая «Точка». Размещалась она на высоком обрывистом берегу моря, редко штормового, преимущественно - спокойного. На берегу моря были установлены две мачты, высотой до уровня верха обрыва, на котором, в

некотором отдалении от его края, располагалась радиолокационная станция – передающая и принимающая.

Краткое историческое отвлечение. Как известно в 1848 – 1849 годах в состав экспедиции на Аральское море, проводившейся под руководством известного мореплавателя Алексея Ивановича Бутакова, был включён – для

живописной регистрации увиденного – Тарас Григорьевич Шевченко, отбывавший ссылку в Орской крепости. В числе выполненных им многочисленных зарисовок есть акварель под названием «Крутой берег Аральского моря». Меня будто кольнуло, когда я, впервые увидел книжную репродукцию этого рисунка, с

удивительной точностью отображающего вид местности, на которой некогда размещалась наша полигонная «Точка»; не хватает только наклонной дороги, прорезанной в обрыве, соединяющей его верх и низ. К такому «полёту мысли» подтолкнул меня и тот факт, что только в районе города Аральска море имеет обрывистое строение, в других приморских местах побережье равнинное. Как бы то ни было, но этот рисунок Шевченко, после того как я его впервые увидел, стал для меня живописным, во многом – ностальгическим, напоминанием о давней военной службе, в приаральском крае прошедшей.

Суть проводившихся под руководством москвичей экспериментов состояла в том, что между мачтами на двух мощных канатах поднималась и растягивалась ракетная головка той или иной конфигурации. Радиолокационная станция облучала её и фиксировала отражённые от неё сигналы на магнитной ленте. Далее магнитные записи предварительно – с применением арифмометров и логарифмических линеек - обрабатывались в лаборатории при воинской части, после чего передавались представителям института для последующего углублённого анализа и выводов.

Такой, достаточно устоявшийся «ручной» метод проведения экспериментальных работ продержался до той поры, когда в воинскую часть не была поставлена электронная вычислительная машина (ЭВМ) «Днепр – 1», разработанная в Киевском институте кибернетики, под началом Бориса Николаевича Малиновского, и изготовленная в Киеве же, на заводе вычислительных управляющих машин (ВУМ), Аполлинарием Фёдоровичем Незабитовским руководимом.

Цель технического нововведения состояла в том, что вычислительной машине, состыкованной с радиолокационной станцией, надлежало принимать от неё в режиме «реального времени» поток отражённых от макета ракетной головки сигналов, обрабатывать получаемую информацию для автоматического описания и «распознавания» исследуемого объекта. На основе полученной ЭВМ на «Точке» был создан вычислительный центр, штатные места в котором заняли служивые, званием не ниже «майора», старшие офицеры, а для профессионального обслуживания сложной электроники им (назову это - в подмогу), были призваны, кроме меня, ещё трое, обладавших требуемыми знаниями выпускников гражданских институтов,

Как выпускнику электротехнического института, - с записанной в дипломе специальностью «Электронные вычислительные машины», - мне было поручено

обслуживание крупного узла вычислительного комплекса. Скоро выявились естественные для процесса апробации новой техники недоработки и погрешности, которые мне пришлось на месте устранять, что-то дорабатывать и все конструкторские изменения в электронной технике утверждать у их производителя в Киеве.

Благодарен судьбе, сделавшей такой интересный и важный зигзаг в моём жизненном пути, позволивший мне очень скоро закрепить и развить полученные в институте знания в конкретных условиях применения вычислительной техники. Практический научный и исследовательский опыт, полученный мной за два года армейской службы стал отправной точкой моей инженерной карьеры после демобилизации. В Киеве, куда перебрался по завершении армейской службы, по рекомендации изготовителей ЭВМ был принят на работу на предприятие, занимавшееся внедрением вычислительной техники, разработкой для неё программного обеспечения. На новом месте работы, после сделанных ряда крупных доработок и разработок был назначен начальником отдела.

Более того, невольное вовлечение по месту военной службы в практическую отработку методов дистанционного распознавания объектов с помощью ЭВМ (в современном наименовании – компьютеров) в последующей штатской инженерной деятельности превратилось для меня в научную работу по дистанционному (из космоса) обследованию земной поверхности, завершившуюся, в 1986 году, защитой кандидатской диссертации в стенах Альма Матер.

Концерт и выволочка после него

Перед последней в моей службе встречей Нового года мне и моим друзьям экс-студентам, ставшими, подобно мне, на два года лейтенантами-инженерами, женсоветом воинской части было предложено устроить праздничный предновогодний концерт. Мы согласились, быстро сориентировались, организовались в так называемый «Мини-театр буффонады», составили коллегиально – в юмористическом стиле студенческого капустника - сценарий концерта, назвав его «Бывали дни весёлые».

Его представление для офицеров и членов их семей прошёл настолько успешно, что по велению политотдела мы повторили его через день – с не меньшим успехом - для рядового состава части. В лучах гарнизонной славы новоявленные артисты понежились несколько месяцев, до начала весны, когда громом среди ясного неба прозвучало известие о приезде с инспекционными целями самого генерала Вознюка с большой группой проверяющих офицеров.

Чуть не целую неделю наша воинская часть чистилась, выметалась, мылась и с достоинством встретила высокого гостя и сопровождавших лиц, из которых наиболее представительным и весомым – по габаритам и по влиянию на окружающих – был генеральский ординарец, судя по выговору, уроженец солнечной срединной Украины.

Пока другие члены проверяющей делегации выискивали, высматривали и оценивали, снабженец части майор Завальный завозил ему, земляку, щедрые вкусности Аральского моря – копчёных жерехов, лещей, усачей, карпов.

По завершении генеральской ревизии, что называется – на десерт, высокочтимому гостю и его свите был дан концерт. В первом отделении, с декламациями, песнями и

танцами, выступили дети, во втором мы – краткосрочные офицеры, с отрывками из недавнего предновогоднего представления.

В первой части этого концерта гости, занявшие первый ряд переполненного зрительного зала, благодарили, умилялись и очаровывались детской самодеятельностью. С началом же второй половины представления, наполненной студенческими хохмами, свитские достали блокноты и бегло записывали-застрочили в них авторучками, записывая скоромные речи, со сцены звучавшие. Генерал же, от номера к номеру, мрачнел всё больше и больше, а после последнего сценического номера был аки туча осенняя, громом и молнией заряженная.

Заключительным номером концерта была сценическая интерпретация старинного анекдота, в котором мужа различных этнических групп, после долгих лет совместной семейной жизни, выспрашивают у своих жён, когда они сделали их рогами и какие тому были приметы. В американской семье, по словам супруги, такой приметой было появление у неё нового авто, у супруги-француженки – новой песочной горжетки. Русская же супруга призналась мужу, что изменяла ему только раз и случилось это тогда, когда из дома пропали его новые юфтиевые сапоги.

Как известно, юфтью именуется натуральная, гибкая и пластичная кожа, которая при выделке напитывается берёзовым дёгтем, что придаёт изготовленной из неё обуви особую прочность, непромокаемость в ненастье. Служивым офицерам по заведённому графику, регулярно обновлялась обувь, в том числе хромовые и юфтиевые сапоги. И тогда как первые использовались товарищами офицерами в повседневной службе, вторые одевались ими от случая к случаю. По этой причине после очередной выдачи обмундирования новая, неиспользуемая офицером пара юфтиевых сапог нередко поступала в ведение его жены для проведения товарообменных операций – в том числе, с местным населением, с уходящими на «дембель» нижними чинами.

Последней коммерческой схемой, точнее – её вариацией, мы, бездумные лицедеи, делали не очень тонкий намёк на нюансы гарнизонного быта и тем очень рассердили генерала. Насколько «очень», я выяснил на следующий, бывший выходным, день, когда забрёл в библиотеку воинской части. Там, взяв со стеллажа заинтересовавшую меня книгу и, не беря во внимание лёгкий разговорный гул, идущий из-за закрытой двери, открыл её и вошёл в читальный зал.

Увлечённый просмотром книги, успел сделать несколько шагов, после чего был остановлен грозным начальственным окриком: «А вот и он!» Встрепенулся, оглянулся и от увиденной картины побледнел, остекленел, вытянулся в струнку и что-то промышал, приличествующее встрече со старшим по званию (в возникшем случае – резко «старшим»). Помутневшим разумом сумел оценить ситуацию как инспекторский «разбор полётов», проводимый генералом со старшими офицерами части, который, помимо оценки боевой и политической подготовки её воинов, включает и оценку сценического представления, устроенного группой младших офицеров.

- Так за что она отдала кому-то юфтиевые сапоги мужа? – вновь обратился ко мне, генерал и, не обращая внимания на командира части, жестами показывавшего ему на присутствующую в зале библиотекаря-женщину, простым и очень ясным солдатским словом ответил на им же поставленный вопрос.

По случаю полученного разноса хотел было впасть в отчаяние, но коллега по вычислительному центру, коему передавал свои знания по обслуживанию ЭВМ, майор Слава Руденко, мои начавшиеся душевные терзания обнулil, сказав, что на меня,

ввалившегося в читальный зал в первые минуты только начавшегося совещания, генерал израсходовал практически весь критический запал, который он приготовил для собравшихся на «разборку» офицеров части. Действительно, результаты инспектирования части, как мне сообщили по большому секрету, были сдержанными, без серьёзных критических замечаний.

Когда былые дни я вижу сквозь туман,
Мне кажется всегда — то не мое бывшее,
А лишь прочитанный восторженный роман.
(Валерий Брюсов)

Послесловие

17 июня 1961 года Указом Президиума Верховного Совета СССР с грифом "Не подлежит опубликованию" "за выдающиеся достижения и сделанный большой вклад в

делу выполнения задач правительства по созданию специальной техники" гвардии генерал-полковнику артиллерии Василию Ивановичу Вознюку было присвоено звание Героя Социалистического труда с вручением ордена Ленина и золотой медали "Серп и Молот". Среди его наград - пять орденов Ленина, пять орденов Боевого Красного Знамени, полководческие ордена Кутузова, Суворова, Богдана Хмельницкого.

В 1973 году генерал-полковник Василий Иванович Вознюк вышел в отставку и переехал в город-герой Волгоград; свой родной Капустин Яр часто посещал - его всегда приглашали на праздники или торжественные даты. Интересовался он и испытательной работой полигона.

Заслуженным отдыхом этот выдающийся человек попользовался недолго - 12 сентября 1976 года его не стало. Согласно завещанию генерал-полковника Вознюка похоронили в Комсомольском парке города Капустин Яр, в березовой роще возле кинотеатра "Юность".

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.
(Николай Тихонов)